

АНТРОПОЛОГИЯ

А. А. Бадмаев

ОБРАЗ БЕЛКИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ¹

Актуальность темы обуславливается необходимостью сохранения нематериального культурного наследия народов России, в том числе знаний об их традиционной картине мира, куда входят и народные воззрения о дикой фауне.

В мифологических представлениях народов Евразии белка является распространенным зооморфным образом, что связано с широким ареалом ее обитания и утилитарным значением, которое она имела, являясь пушным зверем.

В бурятской этнографии данная тема ранее не рассматривалась. Целью работы является реконструкция комплекса народных воззрений бурят о белке с определением ее символики и выяснение представленности образа данного животного в их традиционной обрядности.

Источниками для исследования служат этнографо-фольклорные и лингвистические сведения, в особенности этнографические и фольклорные материалы, собранные Н. Н. Агапитовым, С. П. Балдаевым, Я. И. Линденау и др. Основной лингвистический материал получен из двухтомного словаря «Буряад-ород толи» (2010). Вспомогательный характер имеют полевые материалы автора.

Основным методом исследования избран структурно-семиотический метод, предусматривающий определение значений, в том числе белки. Методологической основой работы послужили труды А. К. Байбурина, П. Г. Богатырева, А. В. Гура и др.

Доказано, что белка была почитаемым диким животным у бурят. Выявлено, что образ этого зверька многозначен и характеризуется амбивалентностью коннотации.

Определено, что данное животное наделялось небесной, женской и продуцирующей символикой, и получило положительную коннотацию. Кроме того, выяснено, что в эпике бурят образу белки приписывали некоторую орнитоморфность. В то же время он получает и негативную коннотацию: с ним связывали мотив души врага культурного героя; он воспринимался как знак беды.

Образ белки прослеживается в семейной обрядности, в обрядах шаманов и охотников. В семейной обрядности с ним связаны фетиши (Эхэ Тоодэй, Хэрмэши-нойон и Булгаша-хатан и др.), наделяемые охранительной функцией. В ритуалах шамана он воспринимается как дух-помощник, посвященное духу-покровителю животное, также его шкура рассматривалась атрибутом шамана (эмблемой рода).

Ключевые слова: буряты, традиционное мировоззрение, дикая фауна, образ белки, фольклор, обрядность.

Введение

Актуальность изучения темы диктуется необходимостью сохранения нематериального культурного наследия, включающую в себя в том числе и знания о традиционной картине мира, куда вписаны народные воззрения о дикой фауне.

В традиционных представлениях народов Евразии белка является часто встречающимся зооморфным образом. Во многом это было связано с широким ареалом ее обитания и той практической пользой, которую она приносила, будучи пушным промысловым животным.

¹ Работа выполнена в рамках программы НИР проект № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв. Исследования меняющейся роли традиционных культур, социальных институтов и экологических парадигм».

При этом в разных культурах ее образ получил неоднозначную оценку: У некоторых этнических групп белка имела высокий семиотический статус (например, у индусов), у других (в частности, у славянских народов и вепсов) — не считалась почитаемым животным.

В бурятской этнографии данная тема до сих пор не получила освещения. Работа нацелена на реконструкцию комплекса народных воззрений бурят о белке с определением ее символики и на выяснение представленности образа данного животного в их традиционной обрядности.

Источниковой базой исследования послужили этнографо-фольклорные и лингвистические сведения. Особенно следует выделить этнографические и фольклорные данные, собранные в свое время такими авторами, как Н. Н. Агапитов, С. П. Балдаев, Я. И. Линденау и др. Лексический материал представлен данными из ряда двуязычных словарей, главным образом из второго тома словаря «Буряад-ород толи» (2010). Дополнительный характер имеют полевые материалы автора.

Основным методом исследования является структурно-семиотический метод, предусматривающий определение значений, в нашем случае белки. Методологической основой работы послужили труды А. К. Байбурина, П. Г. Богатырева, В. В. Иванова, А. В. Гура, И. Ю. Винокуровой и др.

Результаты и обсуждение результатов

Образ белки, точнее забайкальской белки (*Sciurus vulgaris fusconigrans* Dvigubsky), вошел в традиционное мировоззрение и обрядность бурят в первую очередь из-за того утилитарного значения, которое это дикое животное имело в жизни бурят.

В прошлом белка была одним из самых промысливаемых бурятами пушных зверьков. Ее мех использовался при шитье головных уборов, но главное, что он играл роль «мягкого золота» — обменивался на необходимые продукты и продавался русским и монгольским купцам и торговцам, отдавался в счет уплаты ясака в царскую казну.

Локальное распространение в лесных предгорьях Восточных Саян получил еще один вид белки — *олбо* ‘белка-летяга’, но в силу того, что он не имел промыслового значения, у бурят не сложился комплекс народных воззрений о нем.

Лесной зверек, как известно, питается семенами хвойных деревьев, кедровым орехом, а также плодами и грибами, такая его избирательность в употреблении преимущественно растительной пищи могла повлиять на возникновение у бурят представлений о некой «чистоте» животного. По этой причине беличье мясо не только отдавалось на промысле собакам, но и приносилось домой и употреблялось в кругу семьи охотника в отварном и жареном виде (ПМА). Скажем, в отличие от бурят, в традиции славян белка считалась нечистым животным, и ее мясо рассматривалось как несъедобное (Гура, 1997: 252–253).

В народной зоологической классификации бурят белка входила в группу диких зверей, именуемую *Үнэлиг ан гуроол* ‘Пушистые дикие звери’, в которую объединяли как мелких, так и крупных пушных животных Байкальского региона (хорька/колонка, горноста, соболя, лисицу и др.).

Бурятский термин, обозначающий белку, находит параллели в языках других монгольских народов, что свидетельствует о единой древнемонгольской основе этого названия зверька: *Хэрмэн* ‘белка’ (Буряад-ород толи, 2010: С. 521); *хэрэм* (*хэрмэн*) ‘белка’ (Большой академический..., 2001–2002:1906); *кермн* ‘белка’ (Русско-калмыцкий..., 1964: 36); *кэрмэ(н)* ‘белка’ (Хамниганско-русский..., 2015: 194); *кэрэм* ‘белка’ (Краткий дагурско-русский ..., 2014: 100).

В языке бурят обнаруживается следующая половозрастная градация данного животного: *Хубуун хэрмэн* ‘бельчонок’; *эмэ хэрмэн* ‘белка-самка’; *эрэ хэрмэн* ‘белка-самец’.

Особенно показательны диалектные слова, определяющие бельчат осеннего помета: *шоноог* (адли) ‘букв. подобный волку, тунк. третий выводок бельчат’; *харза* ‘букв. полынья, третий выводок бельчат’. Семантика этих слов негативная: смысловое значение первого диалектизма связывается с негодностью таких бельчат (от *шоно* ‘волк, негодник’), а второго слова — увязывается с водой (полыньей), что при характеристике животного обычно подчеркивает его физическую ущербность.

Интересно, что в некоторых иносказаниях белки в качестве эпитета используется слово *хуба* ‘янтарный’: для примера, *хуба харагшан* ‘букв. янтарный водянистый, линяющая белка (осенью)’; *хуба хэрмэн* ‘букв. янтарная белка, старая белка-самка’ (Буряад-ород толи..., 2010: 521). Очевидно, что буряты вкладывали в него свое отрицательное отношение к шкуркам таких белок. На белку, как и на других пушных животных, охотились зимой, когда у зверька был высокий, пушистый и крепкий мех. А во время осенней линьки беличий мех был редким и коротким, и поэтому не ценился. То же можно сказать и о шкурке старой белки, не отличавшейся качеством меха.

В лексике бурят нашли отражение некоторые биологические признаки этого грызуна. Прежде всего, в ней делается акцент на различие окраса меха спинки данного животного: *Улэ хэрмэн* ‘букв. серая белка’; *хара хэрмэн* ‘букв. черная белка, ангарская белка’. Вероятно, буряты средствами языка передают сезонные изменения беличьего меха: Зимой на спинке зверька волос темно-серого тона, с серо-черной рябью, а летом — мех черный или черно-бурый. Кроме того, в природе Байкальского региона изредка встречаются белки с белой спинкой и грудкой — *сагаан хэрмэн* ‘белка-альбинос’. Другим маркером был цвет хвоста у белки, соответственно выделяли: *шара (хуул) хэрмэн* ‘белка с рыжим хвостом’; *хара хуултэй хэрмэн* ‘чернохвостая белка’.

Во фразеологии бурят некоторые признаки, присущие данному зверьку, переносятся на характеристику человека. Так, в отношении поджарого мужчины говорят: *Хэрмэн малгай* ‘букв. беличья шапка, перен. сухопарый’ или *хэрмэн маряатай* ‘поджарый как белка’. Заметим, что калмыки подчеркивали главную черту белки — ее ловкость: *Аратла эдл мектэ, кермилэ эдл хавшун* пог. ‘Хитер как лиса, ловок как белка’ (Хальмг-орс толь, 1977: 296).

В бурятских загадках отмечаются особенности глаз грызуна и его способ перемещения преимущественно по кронам деревьев: *Монголхоо нааша мойлоохон, модон дээгуур гуйлоохэн* ‘Из Монголии сюда (пришедший) с черемуховыми глазами, по верхам деревьев бегающий’ (перевод наш — А. Б.) (Оньһон угэнууд ..., 1956: 21). Примечательно упоминание в загадке места исхода — Монголии, оно, несомненно, отражает факт миграции белок или их сезонную перекочевку на значительные расстояния, спорадически происходящие из-за нехватки кормовой базы.

Номинация белки встречается в ботанической лексике бурятского языка: беличьим хвостом именуют одну из традиционных зерновых культур: *Хэрмэн хуул* ‘букв. беличий хвост, бот. ячмень короткоостый’. Действительно, колос ячменя внешне напоминает длинный и пышный хвост этого животного.

В антропонимии бурят обнаруживается женское имя, омоничное названию белки — *Хэрмэн* (Митрошкина, 1987:82). Кроме того, в бурятской топонимии фиксируется обозначение горных объектов и других природных объектов наименованием данного лесного зверька.

Перейдем к рассмотрению образа белки в мифологических представлениях бурят.

Прежде всего следует констатировать, что это дикое животное было редким персонажем в бурятском фольклоре, поэтому реконструкция его образа будет иметь фрагментарный характер.

По версии А. И. Манжигеева, данный зверек, наряду с соболем, мог быть тотемом древнебурятских племен XII–XIII вв. — булагачинов (*булагашан* ‘соболевщик’) и керемучинов (*хэрмэшин* ‘белковщик’) (1978: 92). В пользу этой версии исследователь приводит бытование у части предбайкальских бурят фетиша *Хэрмэши нойон*, *Булгаша хатан*. Однако сами

названия упомянутых выше племен указывают на их охотничью специализацию (на белку и соболя), а это обстоятельство не позволяет утверждать о существовании тотемных культов этих животных у древних бурят.

В шаманской поэзии белка связывается с некоторыми шаманскими родами, по Л. С. Дампиловой, за ее образом скрывается история шаманов и «кодируется негативное» (2005: 113). Речь идет о представителях Хурдутского и Онгоевского родов предбайкальских бурят — в их обращениях-призывах к духам-покровителям говорится:

*«Хурхуудай хорин хоер
Мираа хара боошуул
Хара хэрмэн залаатан,
Онгойн олон тумэн
Ородоһотой хара заарингууд
Сагаан хэрмэн залаатан...»*

Двадцать два хурхудтских
Родовитых черных шамана,
С привесками из черных белок,
Многое множество онгоевских
С чудесными силами черных заринов,
С кисточками из белых белок...»
(Балдаев, 2010: 27–28).

Из приведенного фрагмента можно вынести, что белка, как черная, так и белая (альбинос), рассматриваемая как дух-помощник черного шамана, принадлежит темной стороне неба, согласно бурятской мифологии, населенной черными небожителями-тэнгринами. Отсюда следует констатировать небесную символику данного грызуна. Вероятность этого зиждется на наблюдениях бурят за образом жизни белки. Прежде всего ими обращалось внимание на расположение убежищ животного, которыми являлись дупла, самодельные гнезда, а также брошенные гнезда врановых и ряда других птиц, устраиваемые на верхушках деревьев. Его «воздушное» нахождение трактовалось близостью этого лесного зверька к небу — Верхнему миру. Кроме того, на такие выводы их наталкивало перемещение белки главным образом по верхушкам деревьев (ПМА: С. О. Бильдуйев). Примечательно, что, по представлениям ульчей, белка служит транспортом, наоборот, в Нижний мир — буни (Бурыкин, 2007: 267).

Выше уже упоминалось, что основным признаком данного грызуна является его ловкость. В бурятской эпике конь уподобляется белке (Бадмаев, 2020а: 38) и наделяется ее качествами — стройностью, тонкостью (Шаракшинова, 2000: 47) и рядом других: «Водит солового коня Зан по гальке — укрепляет копыта, водит по льду — округляет копыта, ... водит по просторам полей, чтобы обрел проворство и легкость белки ...» (Бурчина, 2007: 148).

В этой связи стоит отметить, что, по мифологическим воззрениям бурят, белка, подобно коню, имеет орнитоморфность образа, в частности, это передается в следующем отрывке:

*«Над вершиной деревьев
Они [конные богатыри], как две белки, мелькают,
Над вершинами гор
Они, как две птицы (выделено мною — А. Б.), взлетают»
(Гэсэр, 1986: 33).*

Вспомним, что птицы, по народным суждениям бурят, также ассоциировались с небом и некоторые из них исполняли роль посредника между мирами.

У бурятских охотников с белкой были связаны некоторые приметы, в которых она, в частности, предстает знаком приближающейся беды; так, верили, что «белка скулит — в тот день оставь промысел — худое случится» (Осокин, 1906: 224). Такое нетипичное поведение животного — издание звуков, отражающих тревожное психоэмоциональное состояние, — воспринималось как предупреждение промысловика. Боязнь остаться на охоте без добычи, беличьих шкурок, породило у бурят следующее представление: «Видеть во сне белку — плохо, не добудешь ее» (Полтараднев, 1929: 102).

Об отрицательной коннотации данного зверька у бурят свидетельствует, например, сказка «Баатар Сагаан хаан» (Богатырь Белый хан), в которой с белкой увязывается мотив души: «Душа Бухадайр-хана на юго-западной стороне на расстоянии трех лет между двумя одинаковыми осинами находится белка с белой мордой <...> Когда разорвал белку с белой мордой, Бухадайр-хан испустил дух» (Сказки бурят..., 1997: 29). В приведенном фрагменте фольклорного произведения этот грызун воплощает душу врага культурного героя.

Теперь выясним представленность образа белки в традиционной обрядности бурят.

Образ данного дикого животного был инкорпорирован в традиционную обрядность бурят и, в первую очередь, нашел воплощение в семейных фетишах-онгонах. Одно из описаний такого семейного пената дается в работе Я. И. Линденау: «Это изображение первых людей или с обеих сторон умерших родителей (со стороны мужа и жены). <...> Мать — это белка, к ней пришиты *Goli* (*голи* — вид китайского шелка — Авт.) и воткнуты перья ушастой совы, которую русские называют филином. Этих божков держат (в мешке из войлока) в юртах с южной стороны. Им приносят жертвы в месяце *Ulara* (*улар хара* ‘букв. месяц горной куропатки, сентябрь’ — А. Б.), и их приносит шаман на свадьбу» (1983: 147). Судя по относимому к тексту схематичному рисунку, к беличьей шкурке сверху пришивали войлочную человеческую личину с воткнутыми в нее двумя перьями филина (возможно, символизирующими беличьи уши), а снизу ее обертывали куском шелка — «халатом». На самой шкуре крепили два симметрично расположенных пера филина, вероятно, обозначавшие лапы-«крылья» фетиша. Этот онгон, известный как *Эхэ Тоодэй* ‘букв. Мать Бабушка, праматерь’, и воплощавший женскую линию предков семьи, очевидно, указывает на женскую символику образа белки. С другой стороны, неслучайно придание птичьих черт фетишу (воткнутые перья филина); как ранее мы выяснили, буряты особо подчеркивали орнитоморфность образа данного животного. Заметим, что буряты верили, что филин находится под покровительством «белых» небожителей и, в свою очередь, способен защитить маленьких детей от нечистой силы (Бадмаев, 2020б: 112). Показателен месяц, когда почитали этот онгон ‘изображение шаманского духа-гения’, — сентябрь, в старину на него выпадало празднование бурятского Нового года, порогового времени, ознаменованного рождением нового календарного цикла.

Можно найти ближайшую параллель данному онгону в культуре хакасов: у них в прошлом был распространен фетиш Хачай/Тиин тѳс ‘Беличий фетиш’, «олицетворявший дух пожилой женщины» и которому также придавали антропоморфный вид (Бурнаков, 2020: 117–118). Внешне Беличий фетиш отличался от бурятского аналога тем, что в нем использовалась беличья шкурка с хвостом, был оформлен такой элемент женского костюма, как шапочка, и пришивались выполненные из ткани подобия руки. Безусловно, бурятский онгон выглядит более архаично. Напомню, что Я. И. Линденау зафиксировал его у нижнеудинских (предбайкальских) бурят, земли которых в первой половине XVIII в. географически прилегли к территории этнического расселения хакасов, и поэтому между двумя народами не исключены были этнокультурные контакты.

Другой семейный фетиш в виде выделанной шкурки белки, наряду с мехом бурундука и горноста, содержался в специальном деревянном футляре на стене юрты (Зеленин, 1936: 150). Ему жертвовали молочную пищу, совершая обряд окропления его, и просили защиту и благополучие для семьи.

Третий онгон, связанный с образом белки, тоже представлял отдельную шкуру животного, которую подвешивали у свето-дымового отверстия юрты. Он воплощал духа-хозяина горы *Хэрмэн ула* ‘Беличья гора’ *Хэрмэши-нойон* ‘Господин белковщик’ и его супругу *Булгаша-хатан* ‘Госпожа соболевщица’, очевидно, в именах этих мифических персонажей дается указание на основные объекты традиционной пушной охоты бурят — белку и соболя. Важно место расположения этого фетиша — свето-дымовое отверстие, которое, по представлениям бурят, в горизонтальной структуре внутреннего пространства жилища принадлежит Верхнему миру. Верили, что функцией мистических духов онгона является оказание покровительства новорожденным детям, что говорит об их продуцирующей символике, которая проецировалась и на образ белки, будто бы подвластной им. О данном фетише также сообщается следующее: «... шкуру обертывают цветными лентами; кровавых жертв им не делают, а обряд совершают курунгой и тарасуном (*хурэнгэ* ‘простокваша’; *дарһан* ‘молочная водка’. — А. Б.); о них говорится, что **они не ходят по росистой траве** (выделено мною — А. Б.) (*шудэртэ ного гэшэ угэй*)» (Агапитов, 1883: 29). Исходя из состава преподносимой им жертвенной пищи, можно заключить, что упомянутых выше духов-хозяев относили к «белым духам-защитникам», представлявшим светлую часть неба, отсюда надо предполагать, что подчиненная им белка имела положительную коннотацию. Выделенная нами часть цитаты из работы Н. Н. Агапитова характеризует не только мифических владельцев белки, но и само животное: по народным суждениям бурят, оно редко бегает по земле.

Нельзя не отметить, что у хакасов и предбайкальских бурят жертвоприношение беличьим фетишам, помимо обрядов, совершаемых по случаю, было приурочено к наступлению Нового года (у бурят это выпадало на осень, у хакасов — на начало весны (Бурнаков, 2020: 119)). Кроме того, неслучайно месторасположение этих фетишей в пространстве традиционного жилища у обоих народов: хотя у бурят входное отверстие было направлено на юго-восток или юг, а у хакасов — на восток, данные семейные пенаты располагались строго на женской половине, в том числе у свето-дымового отверстия.

Образ данного грызуна включен также в обряды бурятских шаманов и охотников.

Буряты полагали, что белка подчинена не только отдельным духам-хозяевам местности, но духу-хозяину зверей *Ангай эжэн*, духу-хозяину охоты *Анда бара*, и духу-хозяину тайги *Баян Хангай* и др. Например, чтобы получить расположение *Анда бара*, охотники совершали ему обряд жертвоприношения домашним скотом (овцой или лошадей), номинируемый *Хэрмэнэй шарууһан* ‘Беличье угощение’. А нижнеудинские буряты перед предстоящей охотой на белку проводили обряд жертвоприношения *Хунишуулхэ* ‘Чадить’ духам-покровителям посредством угощения домашнего огня маслом, молочным чаем и саламатом.

В шаманской обрядности бурят белка выступала в различных ипостасях.

Полагали, что духами-помощниками шамана, получившего первое посвящение, — *дуһаалгайн боо* ‘капающий шаман’ — являются заяц и белка (Зеленин, 1936: 390), которые якобы должны были защищать его. При достижении статуса шамана, владеющего конскими тростями (таким образом, как считали, имеющего в качестве транспорта восьминогих коней), на данные атрибуты вешали шкурки белки, хорька/колонка и горноста (Агапитов, 1883: 118), обозначавших его духов-помощников. Шаман же высокого звания обладал набором звериных шкур, называемый *Табан хушуута онгон* ‘Онгон из пяти морд’ (белка, соболь, горноста, хорек/колонок, заяц). Однако во время проведения коллективных обрядов жертвоприношения на вкопанную березку вывешивали беличий мех вместе с еще большим числом звериных шкур, все это называлось *Юһэн хушуута онгон* ‘Онгон из девяти морд’.

Кроме этого, живая белка играла роль посвященного духу-хозяину земли *Гахай багша* ‘Кабан учитель’ животного (ПМА: Л. Б. Сотнич).

Наконец, как было сказано выше, беличья шкура определенного окраса (скорее хвост животного), прикрепленная к верху тульи головного убора, служила эмблемой представителей отдельных шаманских родов.

Выводы

Исследование показывает, что белка являлась почитаемым диким животным у бурят. В ходе анализа материала выявляется многозначный образ данного лесного грызуна. Определено, что белка характеризуется неоднозначностью коннотации.

В мифологических воззрениях и традиционной обрядности бурят лесной зверек наделяется небесной, женской и продуцирующей символикой, имеет положительную коннотацию. В эпике бурят прослеживается орнитоморфность образа белки. Между тем он получает и отрицательную коннотацию, увязываясь с мотивом души врага культурного героя, а также воспринимаясь как знак беды.

Образ белки был инкорпорирован в семейные обряды, обряды шаманов и охотников. В семейной обрядности он нашел воплощение в некоторых фетишах (Эхэ Тоодэй, Хэрмэши-нойон и Булгаша-хатан и др.). В шаманской обрядности бурят он выполнял функции духа-помощника шамана, его атрибута (эмблема рода), и посвященного духу-покровителю животного.

Список сокращений:

БНЦ СО РАН — Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук.
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.
ИААЭ — Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР

Литература:

- Агапитов Н. Н.** Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии. Иркутск, 1883. 169 с.
- Бадмаев А. А.** Образ и символика коня в мифологических воззрениях и обрядности бурят // Гуманитарные науки в Сибири. 2020а. № 2. С. 33–39.
- Бадмаев А. А.** Традиционные представления бурят о птицах // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020б. Т. 48, № 2. С. 106–113.
- Балдаев С. П.** Родословные предания и легенды бурят /отв. ред. А. И. Уланов. Ч. 1. Изд. 2. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2009. 376 с.
- Большой** академический монгольско-русский словарь. М.: Academia, 2001–2002. 2198 с.
- Бурнаков В. А.** Фетиши — тэсы в традиционном мировоззрении хакасов (конец XIX — середина XX века). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. 188 с.
- Бурчина Д. А.** Героический эпос унгинских бурят: Указатель произведений и их вариантов. Новосибирск: Наука, 2007. 544 с.
- Бурькин А. А.** Вера в духов. Сколько душ у человека. СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2007. 320 с.
- Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В 2 т. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. Т. II. О–Я. 708 с.
- Гура А. В.** Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Гэсэр.** Бурятский народный героический эпос. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. Т. II. 288 с.
- Дампилова Л. С. Шаманские песнопения бурят: символика и поэтика. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 248 с.
- Зеленин Д. К.** Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов // Тр. ИААЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Т. XIV: Этнографическая серия, вып. 3. 436 с.
- Краткий дагурско-русский словарь. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 236 с.
- Линденау Я. И.** Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1983. 176 с.
- Манжигеев И. А.** Бурятские шаманистические и дошаманистические термины: опыт атеистической интерпретации. М.: Наука, 1978. 126 с.
- Митрошкина А. Г.** Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.
- Онһон угэнууд, таабаринууд / сост. Д. Мадасон. Улан-Удэ: Бурят-монголой номой хэблэл, 1956. 40 с.
- Осокин Г. М.** На границе Монголии: Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1906. 304 с.

Полтараднеев П. Пушной промысел в Тункинском районе: Процесс охоты на соболя // Жизнь Бурятии. 1929. № 1. С. 99–106.

Русско-калмыцкий словарь / под ред. И. К. Илишкина. М.: Советская энциклопедия, 1964. 803 с.

Сказки бурят Монголии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 122 с.

Хальмг-орс толь. Калмыцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 768 с.

Хамниганско-русский словарь. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2015. 364 с.

Шаракшинова Н. О. Улигеры бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 153 с.

Бадмаев Андрей Андреевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник.

Институт археологии и этнографии СО РАН.

Пр. Академика Лаврентьева, д. 17, г. Новосибирск, Новосибирская область, 630090.

E-mail: badmaeva@ngs.ru

Материал поступил в редакцию 5 января 2022 г.

A. A. Badmaev

THE IMAGE OF A SQUIRREL IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE BURYATS

The relevance of the topic is determined by the need to preserve the intangible cultural heritage of the peoples of Russia, including knowledge about their traditional picture of the world, which includes folk views about wild fauna.

In the mythological representations of the peoples of Eurasia, the squirrel is a common zoomorphic image, which is associated with its wide range of habitat and the utilitarian meaning that it had as a fur-bearing animal.

In buryat ethnography, this topic has not been considered before. The aim of the work is to reconstruct the complex of buryat folk beliefs about the squirrel with the definition of its symbolism and to clarify the representation of the image of this animal in their traditional rituals.

The sources for the research are ethnographic-folklore and linguistic information, especially ethnographic and folklore materials collected by N. N. Agapitov, S. P. Baldaev, Ya. I. Lindenau, etc. The main linguistic material is obtained from the two-volume dictionary “Buryad-orod toil” (2010). The author's field materials are of an auxiliary nature.

The main method of research is the structural-semiotic method, which provides for the determination of values, including squirrel. The methodological basis of the work was the works of A. K. Bayburin, P. G. Bogatyrev, A.V. Gura and others.

It is proved that the squirrel was a revered wild animal among the buryats. It is revealed that the image of this animal is ambiguous and characterized by ambivalence of connotation.

It was determined that this animal was endowed with heavenly, feminine and producing symbols, and received a positive connotation. In addition, it was found out that in the epic of the buryats, some ornithomorphism was attributed to the image of a squirrel. At the same time, he also receives a negative connotation: the motive of the soul of the enemy of the cultural hero was associated with him; he was perceived as a sign of trouble.

The image of the squirrel can be traced in family rituals, in the rituals of shamans and hunters. In family rituals, fetishes are associated with it (Ekhe Toodei, Khermeshi-noyon and Bulgasha-khatan, etc.), endowed with a protective function. In shaman rituals, he is perceived as an assistant spirit, an animal dedicated to the patron spirit, and his skin was also considered an attribute of the shaman (an emblem of the clan).

Keywords: *Buryats, traditional worldview, wild fauna, squirrel image, folklore, ritual.*

References:

Agapitov N. N. Materialy dlya izucheniya shamanstva v Sibiri. Shamanstvo u buryat Irkutskoi gubernii [Materials for the study of shamanism in Siberia. Shamanism among the buryats of Irkutsk province]. Irkutsk, 1883. 169 p.

- Badmaev A. A.** Obraz i simbolika konya v mifologicheskikh vozzreniyakh i obryadnosti buryat [The image and symbolism of the horse in the mythological views and rituals of the buryats] // Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]. 2020a. № 2. P. 33–39.
- Badmaev A. A.** Traditsionnye predstavleniya buryat o ptitsakh [The traditional ideas of the buryats about birds] // Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2020b. Vol. 48, № 2. P. 106–113.
- Baldaev S. P.** Rodoslovnye predaniya i legendy buryat [Pedigrees and legends of the Buryats]. Pt. I. Ulan-Ude: Buryat Univ. Press, 2009. 376 p.
- Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [Large Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Moscow: Academia, 2001–2002. 2198 p.
- Burchina D. A.** Geroicheskii epos ungingikh buryat: Ukazatel' proizvedenii i ikh variantov [The heroic epic of the Unga buryats: An index of works and their variants]. Novosibirsk: Nauka, 2007. 544 p.
- Burnakov V. A.** Fetishi — tesy v traditsionnom mirovozzrenii khakasov (konets XIX — seredina XX veka) [Fetishes — tos in the traditional worldview of the khakass (end 19th — middle 20th century)]. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. 188 p.
- Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkii slovar' [Buryat-Russian dictionary]. Ulan-Ude: Respublikanskaya tip., 2010. Vol. II. 708 p.
- Burykin A. A.** Vera v dukhov. Skol'ko dush u cheloveka [Belief in spirits. How many souls does a person have]. St.-Petersburg: Azbuka-klassika; Peterburgskoe Vostokovedenie, 2007. 320 p.
- Dampilova L. S.** Shamanskii pesnopeniya buryat: simbolika i poetika [Shamanic chants of the buryats: symbolism and poetics]. Ulan-Ude: BSS SB RAS Publ., 2005. 248 p.
- Geser. Buryatskii narodnyi geroicheskii epos [Geser. Buryat folk heroic epic]. Ulan-Ude: Buryat book Publ., 1986. Vol. II. 288 p.
- Gura A. V.** Simbolika zhivotnykh v slavyanskoj narodnoj traditsii [The symbolism of animals in slavic folk tradition]. Moscow: Indrik, 1997. 912 p.
- Khal'mg-ors tol'. Kalmytsko-russkii slovar' [Kalmyk-Russian dictionary]. Moscow: Russkii yazyk, 1977. 768 p.
- Khamnigansko-russkii slovar' [Hamnigan-Russian Dictionary]. Irkutsk: Ottisk, 2015. 364 p.
- Kratkii dagursko-russkii slovar' [Short Dagur-Russian Dictionary]. Ulan-Ude: BSS SB RAS Publ., 2014. 236 p.
- Lindenau Ya. I.** Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII v.). Istoriko-etnograficheskie materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka [Description of the peoples of Siberia (the first half of the XVIII century). Historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the Northeast]. Magadan: Magadan book Publ., 1983. 176 p.
- Manzhigeev I. A.** Buryatskie shamanisticheskie i doshamanisticheskie terminy: opyt ateisticheskoi interpretatsii [Buryat shamanistic and pre-shamanistic terms: the experience of atheistic interpretation]. Moscow: Nauka, 1978. 126 p.
- Mitroshkina A. G.** Buryatskaya antroponimiya [Buryat anthroponymy]. Novosibirsk: Nauka, 1987. 222 p.
- On'khon ugenud, taabarinud [Proverbs, sayings, riddles]. Ulan-Ude, Buryat-Mongol book Publ., 1956, 40 p.
- Osokin G. M.** Na granitse Mongolii: Ocherki i materialy k etnografii Yugo-Zapadnogo Zabaikal'ya [On the border of Mongolia: Essays and materials for the ethnography of South-Western Transbaikalia]. St.-Petersburg: Suvorin Publ., 1906. 304 p.
- Poltaradnev P.** Pushnoi promysel v Tunkinskom raione: Protsess okhoty na sobolya [Fur fishing in the Tunka district: The process of hunting sable] // Zhizn' Buryatii [Life of Buryatia]. 1929. № 1. P. 99–106.
- Russko-kalmytskii slovar' [Russian-Kalmyk dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1964. 803 p.
- Sharakshinova N. O.** Uligeri buryat [Tales of the Buryats]. Ulan-Ude: BSS SB RAS Publ., 2000. 153 p.
- Skazki buryat Mongolii [Tales of the buryats of Mongolia]. Ulan-Ude: BSS SB RAS Publ., 1997. 122 p.
- Zelenin D. K.** Kul't ongonov v Sibiri. Perezhitki totemizma v ideologii sibirskikh narodov [The cult of ongons in Siberia. Remnants of totemism in the ideology of the siberian peoples] // Trudy instituta antropologii, arkheologii i etnografii AN SSSR [Works of the Institute of Anthropology, Archeology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences]. Moscow; Leningrad: USSR AS Publ., 1936. Vol. XIV: Ethnographic series, iss. 3. 436 p.

Badmaev Andrey Andreevich, doctor of science (history), senior research fellow.

RAS, Siberian branch, Institute of Archaeology and Ethnography.

17 Academician Lavrentiev ave., Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: badmaevaa@ngs.ru